

МОРГАНА МАРО

БЕСКРАЙНЕЕ

ТЕМНОЕ

Море. I

НОВЕЛЛА

МИО

МИФ Проза

Моргана Маро

Бескрайнее темное море. Том 1

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445.13

Маро М.

Бескрайнее темное море. Том 1 / М. Маро — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250904-1

Принц без памяти и заклинатель без прошлого – чем обернется их встреча? Фан Лао – безродный заклинатель, который знает больше, чем говорит, – назначен наставником принца. Цин Вэнь, младший принц империи Юйгу, любимый приемным отцом, но презираемый советниками, поначалу не слишком рад подобной новости: все предыдущие учителя были скучны и замшелы... Но, кажется, в этот раз дела обстоят совершенно иначе, и именно Фан Лао – тот, кто нужен был принцу и стране в беспокойные времена: память о Великом Бедствии Пустоши пытаются стереть, но прошлое не исчезает. Оно возвращается в виде украденных реликвий, разрытых курганов и картины, от которой зависит судьба империи Юйгу. И тех, кто решил восстать против царящего порядка.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445.13

ISBN 978-5-00-250904-1

© Маро М., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

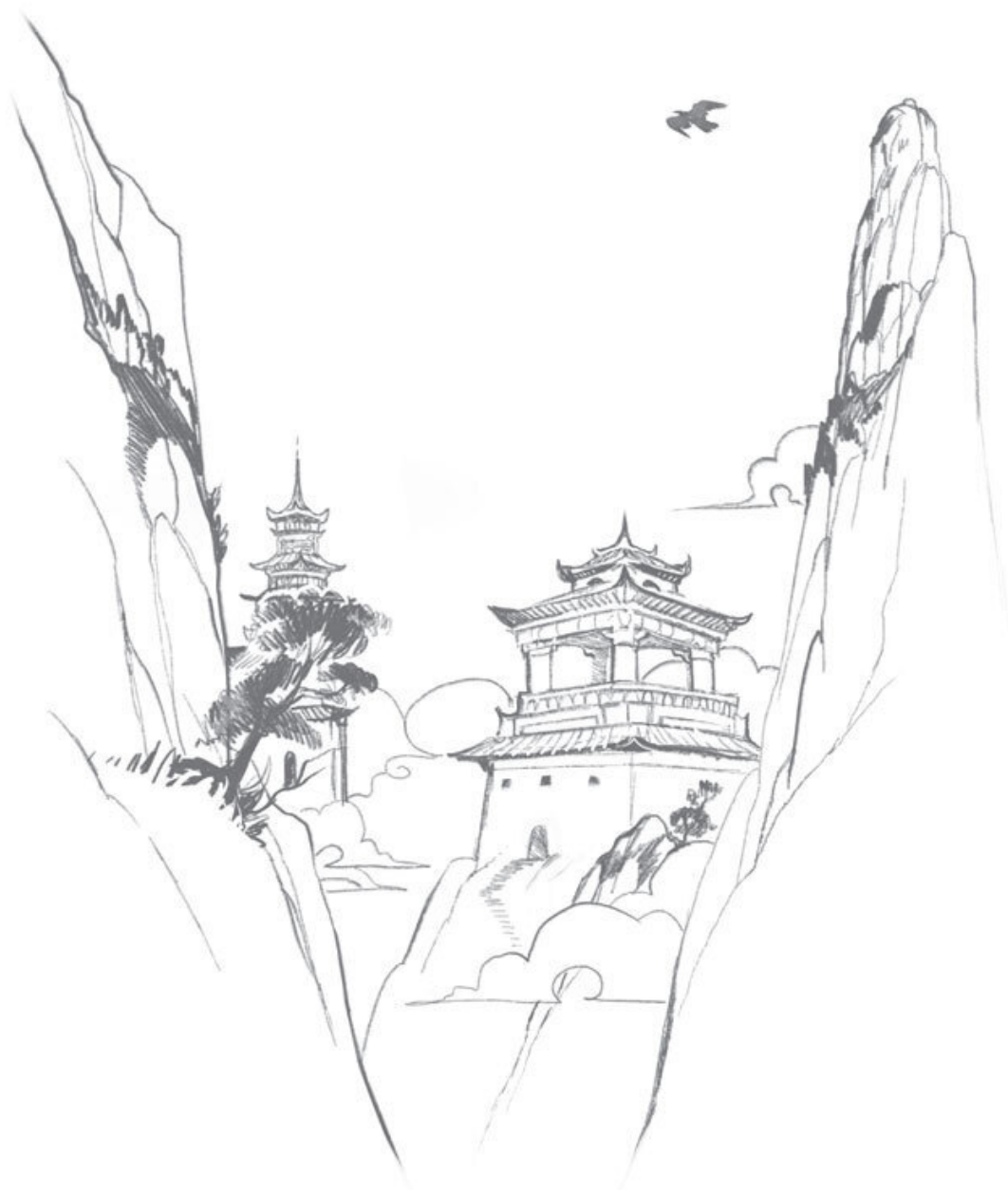
Содержание

От автора	7
Список действующих лиц	8
О мерах времени и пространства	10
Пролог	11
1. Мудрец Фан	13
2. Мы знакомы?	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Моргана Маро

Бескрайнее темное море.

Том 1. Среди стен и цветов

Научный редактор Ксения Исаева

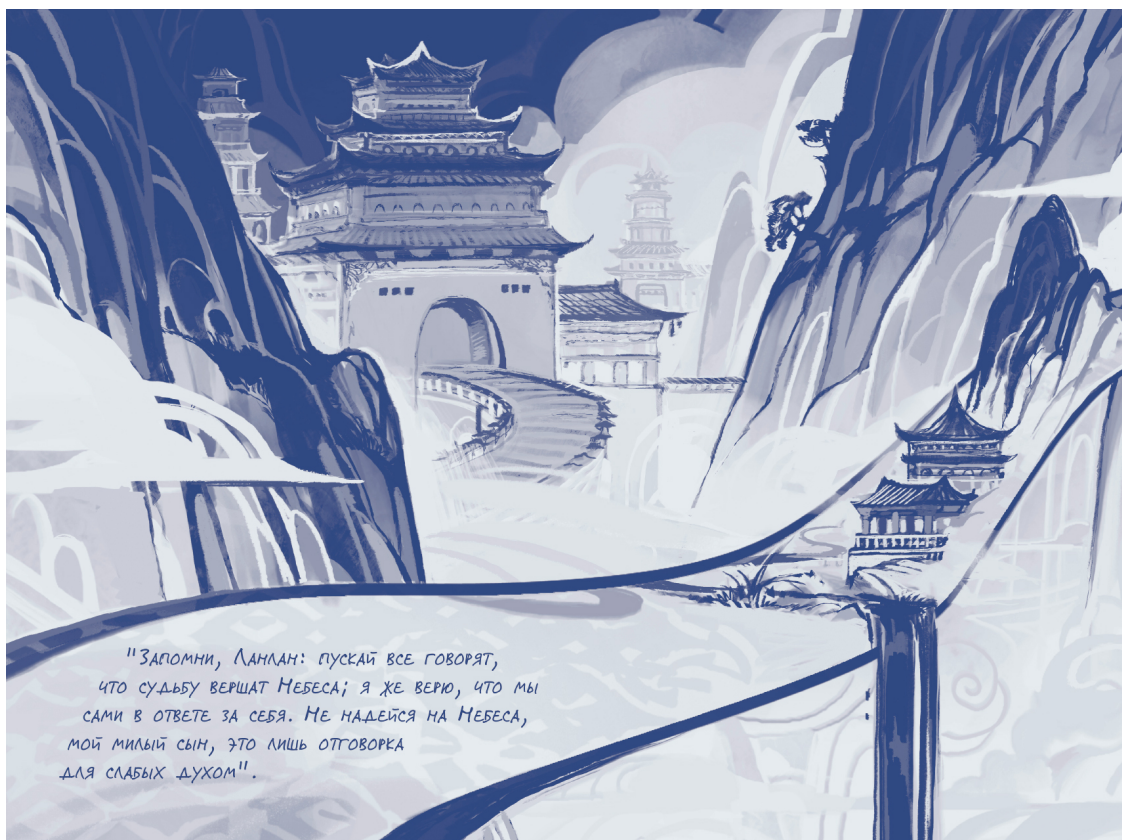
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

© Маро М., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

От автора

В основе книги лежит Китай времен династии Мин, однако здесь присутствуют отступления от реального развития истории государства и авторский вымысел.

Время – бескрайнее темное море:

Все во вселенной

Скрыло бесследно¹.

Лян Цзундай

---

¹ Китайская поэзия / пер. с кит. Л. Е. Черкасского. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982. 239 с. *Здесь и далее прим. авт.*

Список действующих лиц

Великая Цзянь

- Фан Лао (芳嫪) – заклинатель, наставник третьего принца.
- Мудрец Ао (敖) – заклинатель, наставник Фан Лао.
- Маньвэй (漫伟) – зверь-слуга Фан Лао, ворон.

Хуашань

- Тяньцай-цзюнци (天才君子) – легендарный художник, в картинах которого предсказывалось будущее.

Юйгу

- Хэ Ланцзян (河朗将) – император, один из бывших четырех советников Великой Цзянь.
- Хэ Тянь (河天) и Хэ Е (河夜) – принцы-близнецы.
- Цин Вэнь (清稳) – приемный сын императора.
- Е Линбо (叶凌波) – глава Министерства церемоний.
- Чуньчунь (醇醇) – личный слуга Е Линбо.
- Гу Юань (骨优安) – генерал железной конницы.
- Гу Юмао (骨优猫) – младший брат Гу Юаня.
- Сюнь (训) – личный евнух Цин Вэня.
- У Шэн (务圣) – один из советников императора.
- Лю (刘) – один из советников императора.
- Моу Гань (谋杆) – главный евнух.
- Хэнь Жаонин (恨扰佞) – глава центрального аппарата подворной части.
- Хэнь Юй (恨余) – младший брат Хэнь Жаонина.
- Сяо Лянь (晓廉) – императорский лекарь.

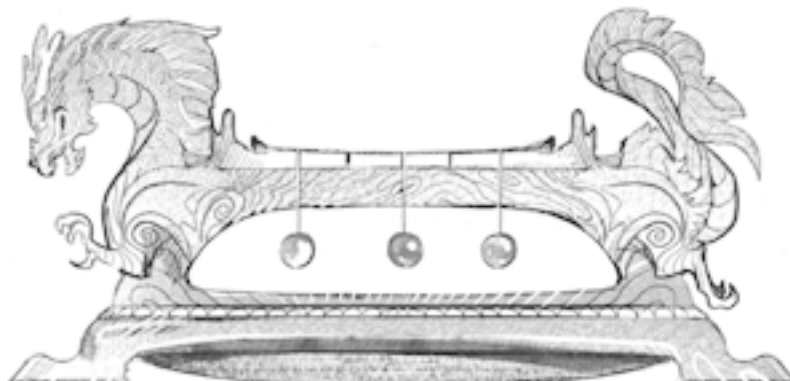
Хэкоу

- Кань Жун (侃融) – владелец винной лавки.

Союз племен Лан

- Кунь Ло (昆络) – командир крепости.
- Сы Ху (赐虎) – кочевник.

О мерах времени и пространства

Время суток

- Час Цзы – час Крысы – 23:00–01:00.
- Час Чоу – час Быка – 01:00–03:00.
- Час Инь – час Тигра – 03:00–05:00.
- Час Мао – час Кролика – 05:00–07:00.
- Час Чэнь – час Дракона – 07:00–09:00.
- Час Сы – час Змеи – 09:00–11:00.
- Час У – час Лошади – 11:00–13:00.
- Час Вэй – час Козы – 13:00–15:00.
- Час Шэнь – час Обезьяны – 15:00–17:00.
- Час Ю – час Петуха – 17:00–19:00.
- Час Сюй – час Собаки – 19:00–21:00.
- Час Хай – час Свиньи – 21:00–23:00.

Меры времени

- Шичэнь – 2 часа.
- Одна палочка благовоний – 30 минут.
- Кэ – 15 минут.

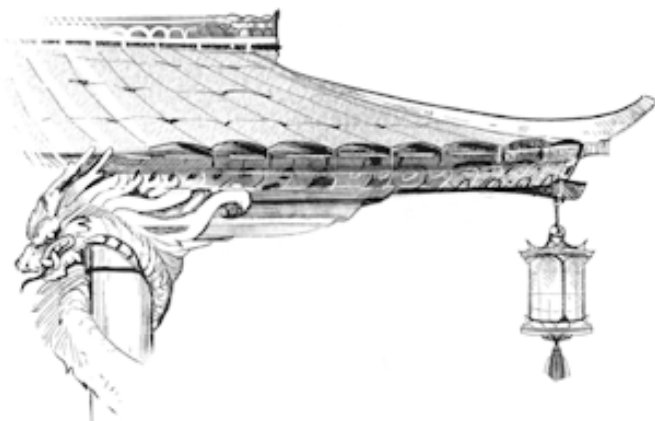
Меры длины

- Ли – 500 м.
- Чжан – 3,33 м.
- Цунь – около 3,73 см.
- Чи – около 32 см.

Меры веса

- Цзинь – 0,5 кг.

Пролог

– Ты знаешь, с чего все началось?

Голос принадлежал утонченному мужчине в зеленых одеждах. Его волосы были убраны простой деревянной шпилькой, несколько прядей спадало на красивое молодое лицо. Он обнимал ребенка одной рукой, в другой же держал длинную курительную трубку.

Расположившись на широком подоконнике, отец и сын наслаждались представшей перед ними картиной: раскинувшаяся на берегу небольшого пруда старая ива роняла в воду длинные косы, а разноцветные карпы подплывали к ней, срывали листья и уносили их на дно.

В душном воздухе пахло табаком и бумагой. Свободный час мастер кисти по имени Цян Фан посвятил сыну, которого нежно прижимал к груди. Тот, затаив дыхание, слушал отца, жмурясь от мягких поглаживаний по голове.

– Когда-то, больше шести сотен лет назад, от Южного моря до Северных гор простирались семь великих Царств: Цин, Вэй, Сянь, Мо, Янь, Чжао и Тун. Они враждовали, пытались отхватить друг от друга как можно больший кусок, словно звери, которые не могли насытиться тем, что у них есть.

Цян Фан взмахнул рукой, и дым из его трубки обратился в хищных зверей – тигров, волков, быков и птиц, – нападающих друг на друга. Завороженный, мальчик ахнул, когда они с тихим хлопком перекусили друг другу горло и исчезли.

– Продолжись так и дальше, и вся Поднебесная погрязла бы в крови и вражде, не осталось бы никого, кто наследовал бы нашему славному роду. Но однажды все закончилось, и причиной тому стал демон.

– Демон? – переспросил мальчик, взглянув на отца.

– Да, самый настоящий демон, порождение людского негодования, – необычайно серьезно кивнул тот, проведя рукой по голове сына и смахнув лепесток с волос. – Его прозвали Бедствием. В один миг он уничтожил сразу несколько Царств, и правителям пришлось позабыть о былой вражде и объединиться перед общим врагом. Тогда же миру явили себя три бога войны: они убили демона и остановили распрю семи Царств. Придя к согласию, люди создали могущественную империю Цзянь, столь благословенную, что в ней не знали ни раздора, ни переворотов, ни засухи. Люди жили в мире долгие шесть сотен лет, возделывали землю, собирали урожай, женились и рожали. То было замечательное время, мой маленький Ланлан, но всему хорошему когда-нибудь приходит конец.

Художник тяжело вздохнул, печально взглянул на пруд с карпами и поднес трубку к губам. Выпустив несколько колец дыма, он продолжил тихим, хрипловатым голосом:

– Шесть лет назад Цзянь пала. Ее погубило Великое Бедствие Пустоши, пришедшее с севера и оставившее после себя мертвые поля и отравленные реки. Бедствие захватило разум императора Цзянь, против которого выступили его четыре советника, однако они не смогли спасти императорскую семью и вынуждены были покинуть столицу. Чтя память великой империи, они разделили еще плодородные южные земли на четыре части: Хуашань, Юйгу, Лаху и Хэкоу, поклялись охранять их и противостоять Великому Бедствию Пустоши, если то разразится вновь.

– А что стало с севером? – тихо спросил Ланлан.

– Четыре советника построили Великую Стену, идущую с востока на запад. Те, кто остался по ту сторону, стали монстрами, им больше нет места среди обычных людей. Севера больше нет, Ланлан. Когда пала столица Великой Цзянь – Жунчэн, – тогда пала вся нация. У цзяньцев нет ни дома, ни родных краев, мы с тобой лишь гости новых четырех империй.

– Но разве не все до сих пор цзяньцы? – задумчиво спросил мальчик.

– Верно, но многие больше не хотят себя так называть, надеясь стереть из памяти прошлое и забыть тот кошмар.

В голосе Цян Фана была слышна грусть. Он помнил те времена, когда еще ребенком ходил по просторным улицам Жунчэна, как вместе с семьей встречал там праздники и как однажды все небо почернело от дыма, а музыку сменили крики боли и ужаса.

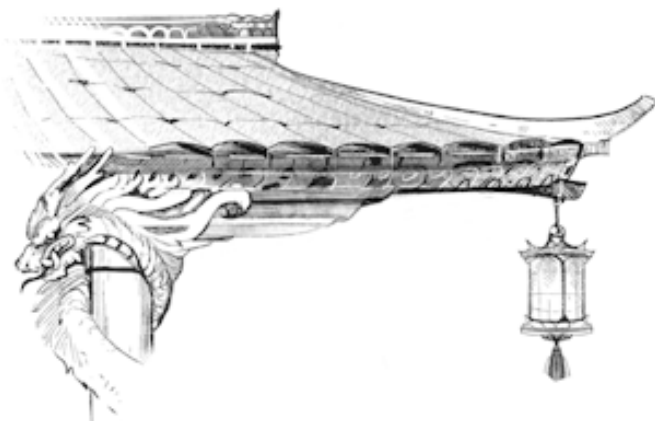
Закрыв глаза, Цян Фан надолго замолчал. Ланлан ничего больше не спрашивал. Он прижался к груди отца, умиротворенно слушая стук его сердца и вдыхая запах курительных трав, который пропитал одежду.

– Началось беспокойное время, Ланлан, – прошептал Цян Фан. – Я уже и не знаю, кому верить, а кого бояться. Этот мир так жесток и несправедлив к нам, но слишком прекрасен, чтобы оставлять его. Запомни, Ланлан: пускай все говорят, что судьбу вершат Небеса; я же верю, что мы сами в ответе за себя. Не надейся на Небеса, мой милый сын, это лишь отговорка для слабых духом.

Тепло улыбнувшись Ланлану, художник прислонился спиной к оконной раме и закрыл глаза, вслушиваясь в пение птиц.

1. Мудрец Фан

Цинхэ, столица империи Юйгу.
10-й день сезона Лися².
20-й год под девизом Бао-и³.

В кабинете стоял сладковатый запах цветов. Одна из персиковых веток проникала через открытое окно, и нежные розовые лепестки трепетали от слабого теплого ветерка. Еще при прошлом императоре дворцовые садовники высадили сразу несколько сортов персиковых деревьев, и стоило одному облететь, как за ним сразу расцветало другое, и так почти до первой половины лета.

Где-то за стеной раздавались приглушенные голоса служанок и шепотки евнухов, спешивших по своим делам.

Порой тишину кабинета нарушал шорох бумаги. За столом сидел молодой мужчина в фиолетовом пао⁴ с буфаном⁵ в виде золотого павлина на груди и спине. Его длинные волосы были убраны шпилькой, брови изящно изгибались к вискам, яркие глаза в обрамлении длинных ресниц внимательно изучали документ. Правое ухо украшала простая серьга из жемчуга.

Мужчину звали Е Линбо, и он был шаншу⁶ Министерства церемоний. На первый взгляд он казался юнцом, взобравшимся слишком высоко для своего возраста, но через два года ему исполнилось тридцать. За восемь лет, что господин Е прослужил в Министерстве церемоний, его признали все и относились к нему с уважением. Ну или почти все.

– Господин Е и правда образец сыновьей почтительности! – восклицали министры.

– Вот бы и мой сын пошел по моим стопам. Старому господину Е повезло с наследником, – сокрушались другие.

– Жаль только, что господин Е никак не женится. Моя дочь уже несколько лет мечтает войти в его дом, – тяжело вздыхали третьи.

---

² Сезон Лися (立夏) – досл. «начало лета», длится с 6 по 21 мая.

³ Бао-и (寶義) – досл. «драгоценное правосудие».

⁴ Пао (袍) – одеяние, в котором низ и верх сшиты или сделаны из одного куска ткани.

⁵ Буфан (补方) – знак различия военных и гражданских чинов, появившийся при империи Мин. На нашивках гражданских чинов изображались птицы, на военных – животные.

⁶ Шаншу (尚書) – министр третьего ранга, возглавляет одно из шести министерств.

Все их слова проносились мимо ушей Е Линбо. Тот и не задумывался о поисках жены – документы занимали все его время.

Тихий стук потревожил тишину кабинета, и Е Линбо поднял взгляд. На пороге стоял юноша лет шестнадцати, приятной внешности, с ямочками на щеках от улыбки, – слуга по имени Чуньчунь. Он держал небольшой запечатанный свиток.

– Господин Е, я получил письмо от генерала Гу!

Е Линбо, до того безразличный, тут же оживился и протянул руку. Юноша подошел и отдал свиток, который Е Линбо бережно вскрыл. Развернув его, он обнаружил засохшие цветы с западных земель, которые чудом выдержали бешеную скачку посыльного и не рассыпались.

На губах Е Линбо заиграла мягкая улыбка, при виде которой Чуньчунь внутренне выдохнул. Его господин последние недели ходил сам не свой, ожидая вестей от генерала Гу, и только сейчас, получив письмо, наконец расслабился.

– О чем пишет генерал Гу? – любопытствовал Чуньчунь.

Бережно отложив засохшие цветы, Е Линбо неторопливо прочитал послание. Чуньчунь бросил на свиток взгляд, но тут же опомнился и отвернулся.

– В горах Лунбэй еще снег, но на деревьях уже набухают почки, – негромко произнес господин Е. – После смерти своего императора Хуашань пытается прийти в себя. Солдаты в замешательстве, а новый правитель еще неопытен.

– А сколько ему?

– Чуть больше двадцати, – припомнил Е Линбо. – Из-за гор Лунбэй Юйгу не сможет присоединить Хуашань к себе, а император Хэкоу не заинтересован расширением земель. Можно сказать, Хуашань повезло – у них достаточно времени, чтобы оправиться.

Чуньчунь не знал, теряет ли Юйгу от этого хоть что-то или выигрывает, и предпочел промолчать.

Сложив письмо, Е Линбо спрятал его в верхний ящик стола с другими письмами генерала Гу. Поднявшись, он подошел к ширме, и слуга поспешил за ним.

– Советник У назначил мне встречу в час Шэнь. Не стоит опаздывать.

Чуньчунь скривился, взяв из рук Е Линбо несколько свитков.

Покинув императорский дворец, они заехали в дом семьи Е, где Е Линбо сменил наряд чиновника на обычные одежды цвета цин⁷, так идущий его ярким глазам. Отдав Чуньчуню еще один свиток – руки слуги уже начали неметь от постоянного напряжения, – господин Е неторопливо зашагал вниз по улице, не пожелав воспользоваться паланкином.

Зеленые листья трепал ветерок, срывал их и, играясь, нес по шумным улицам столицы. Солнечные лучи, проходя через кроны, пятнами падали на глазированную черепицу и брусчатку. Сладкий аромат растекался по воздуху, привлекая прохожих; дети уже успели окружить телегу со сладостями и теперь упрашивали взрослых купить карамельных человечков и животных на палочках.

– Почтенный Е, вы уже слышали, что к нам скоро прибудет мудрец Фан? – осторожно спросил Чуньчунь.

– М-м, да, я что-то слышал об этом, – безучастно ответил Е Линбо. – Интересно взглянуть, что это за мудрец, раз он так взбудоражил всю столицу.

Юноша закивал и случайно задел идущего навстречу человека. Один из свитков выскользнул из рук Чуньчуна, но незнакомец успел подхватить его у самой земли. Е Линбо нахмурился и, извиняясь, поклонился:

– Прошу простить моего неуклюжего слугу.

– Этот достопочтенный сам виноват, вам не стоит кланяться.

---

⁷ Цин (靑) – сине-зеленый цвет, который включает в себя множество оттенков.

Е Линбо выпрямился и взглянул на незнакомца: это был юноша с мягким взглядом и приятными чертами. Под его левым глазом краснела маленькая изящная родинка, словно капля киновари. Лицо не было слишком женственным и в то же время принадлежало утонченному и обаятельному человеку, способному одной улыбкой завоевывать сердца. Его длинные волосы оказались аккуратно заколоты на затылке простой шпилькой, подол неброской одежды потемнел от долгой дороги, за спиной висела сумка из плотной ткани.

– Хотя столица и большая, но я не припомню, чтобы встречал вас, – произнес Е Линбо.

– Меня направляет Дао⁸. Мой дом давно забыт, а конец дороги еще не виден. Я лишь странник, проходящий мимо и ищущий скромный ночлег и воду, чтобы смочить горло.

В глазах Е Линбо мелькнуло любопытство, удивившее Чуньчуня. Этот путник смог заинтересовать господина, а такое случалось редко.

– Могу ли я пригласить вас на чай?

– Только если это не помешает планам достопочтенного господина, – с мягкой улыбкой ответил странник.

– Господин Е... – начал было Чуньчунь, но тот перебил его:

– У меня еще осталось немного времени. Прошу за мной.

Чуньчуню ничего не оставалось, как со вздохом последовать за хозяином, с любопытством поглядывая на странного незнакомца. Хотя тот и проделал долгий путь, но не выглядел уставшим или, по крайней мере, не позволял себе это показывать.

Проведя восемь лет подле Е Линбо, с головой погружившись в дворцовые уловки и склоки, Чуньчунь порой с одного взгляда понимал, что за человек стоит перед ним. Богатый он или бедный, воин или поэт, трус или смельчак. С этим же странником все было сложнее: носит плотную, хорошую ткань, а также плащ с меховым воротником, спасающим от ветра, но украшений нет. Чуньчунь предположил, что это либо странствующий поэт, несущий мирное слово, либо даосист, чья дорога не имеет конца.

Войдя в просторный ресторан «Пение вишни», в котором господин Е любил отдыхать после шумных заседаний во дворце, троица поднялась на второй этаж и заняла место за расписной ширмой. Отсюда открывался вид на небольшую сцену, на которой сидели девушки в платьях с обнаженными плечами и держали в руках пипу⁹ и эрху¹⁰. Ресторан наполняла музыка, не заглушающая голоса и в то же время не дающая воцариться тоскливой тишине.

Незнакомец опустил на пол сумку, снял плащ и сел за стол. Чуньчунь тут же заметил его высокий воротник, скрывающий горло почти до подбородка, – люди из Юйгу не носили такую плотную одежду, она была присуща более северным народам. Лето здесь наступало раньше, а теплые и сильные ветра с моря не давали холоду надолго задержаться.

– Могу я узнать имя того, с кем разделю чай? – спросил Е Линбо.

– Можете звать меня Сяоди¹¹, – скромно ответил юноша. – Я не из знати, мой род не настолько известен, чтобы в Юйгу о нем слышали.

– Откуда вы?

– Из Хуашань, хотя с трудом могу назвать это место своим домом.

– Мне известно о случившемся в Хуашань, – как бы невзначай произнес Е Линбо.

– Это и правда огромное горе для всего народа шуй. Говорят, что звезды предрекали ему ужасную судьбу.

⁸ Дао (道) – досл. «путь». Закон мироустройства.

⁹ Пипа (琵琶) – четырехструнный щипковый инструмент, напоминающий лютню.

¹⁰ Эрху (二胡) – смычковый инструмент с двумя струнами.

¹¹ Сяоди (小弟) – досл. «младший брат».

Чуньчунь заметил, как неуловимо приподнялась бровь Е Линбо. От слуги невозможно скрыть чувства и дела хозяина. Господин Е уже некоторое время пристально наблюдал за цзы вэй доу шу¹² императора Хэ, владыки Юйгу. Астролог при дворе тоже был весьма смущен, ведь та пару лет назад изменилась! Если судить по Поцзюнь¹³, который вторгся во дворец Жизни¹⁴ императора Хэ вместе со звездами Несчастья Дикун и Дицзе¹⁵, то в скором времени императора Юйгу ждет беда. Сам по себе Поцзюнь не нес разрушительных действий, но в связке с этими двумя звездами усиливал их негативный эффект.

Служанка принесла чай, разлила его по пиалам и с поклоном ушла. Сяоди неторопливо поднес пиалу к носу, вдохнул аромат и произнес:

– Первый глоток прогонит сон, второй очистит мой дух, а третий поможет постичь Путь. Пускай эта чаша послужит знаком нашей начавшейся дружбы.

– Прекрасные слова. Вы странствующий поэт? Или писатель? – поинтересовался Е Линбо.

– Можно и так сказать, – скромно улыбнулся Сяоди. – Позвольте же узнать имя моего нового знакомого.

– Я из дома Е, а зовут меня Линбо, – министр Е указал на слугу подле себя. – А это Чуньчунь.

Чуньчунь поклонился, поймал мягкую улыбку Сяоди и отчего-то смутился. Неужели этот человек рад каждому знакомству? Однако, несмотря на то что Сяоди, по его словам, не был выходцем из знатного дома, речь выдавала в нем образованного господина. Может, он бежал из Хуашань после смерти императора? Страна сейчас была в упадке, и если бы не Лунбэй с востока, море с юга и запада и Великая река Шэнмин с севера, то Хуашань пала бы от рук соседей.

– Как бы Дао ни было могуче, все же ногами оно не управляет. Что привело вас в Цинхэ? Наш нефрит? Женщины? Или слухи?

– Слухи? – переспросил Сяоди и скромно покачал головой. – Прошу простить, но я не гоняюсь за слухами.

Казалось, этот человек не врал. У Чуньчуна возникло странное чувство, словно его господин говорил с самим Буддой, снизошедшим до них. Слова Сяоди были искренни, за улыбкой не скрывались кинжалы, а взгляд не таил опасности. Этот человек не принимал близко к сердцу ни горе, ни радость, ни печаль.

– Неужели вы не слышали, что в Цинхэ прибывает сам мудрец Фан? – не выдержав, спросил Чуньчунь.

– Кажется, я слышал что-то об этом, когда вошел в город, – припомнил Сяоди.

– Верно, он пришел, чтобы стать наставником третьего принца, – кивнул Е Линбо и сделал неторопливый глоток чая. – Этот монстр сменил уже четвертого наставника.

– Монстр?

– Моцзя, – вставил Чуньчунь. – Демон в человеческом обличье!

Обычно, услышав о моцзя, люди пугались, Сяоди же не вздрогнул, лишь задумчиво взглянул на пиалу. Чуньчуна удивило его спокойствие – видимо, этот человек уже встречался с моцзя и потому не был поражен, услышав о них вновь.

---

¹² Система цзы вэй доу шу – одна из разновидностей китайских астрологических практик, которая применяется для составления прогнозов и поиска путей решения различных проблем.

¹³ Поцзюнь (破軍) – «Разрушитель», он же Алькаид в созвездии Большой Медведицы. Хотя это нейтральная звезда, в связке с другими может нести как благо, так и зло.

¹⁴ Существует 12 дворцов цзы вэй доу шу: Жизни, Счастья, Братьев, Детей, Родителей, Брака, Друзей, Путешествий, Карьеры, Богатства, Здоровья, Имущества.

¹⁵ Звезды Несчастья.

– Каждый наставник, который был у третьего принца, в итоге сходил с ума и сбежал! Один даже с дворцовой стены в реку прыгнул, лишь бы не служить моцзя!

– Чуньчунь, не стоит так говорить в людном месте, – осадил слугу Е Линбо, взглянув на Сяоди, – хотя твои слова и имеют под собой почву.

– Зачем тогда этому принцу наставник?

– Причуда императора и императрицы, – пожал плечами господин Е и сменил тему: – Надолго вы тут?

– Пока Дао не покажет новый путь. Я иду долго, так что хочу наконец остановиться и насладиться жизнью среди людей. Боюсь, если вновь отправлюсь в путь, совсем забуду человеческий язык.

– А чем вы зарабатываете, господин Сяоди? – спросил Чуньчунь.

– Прошу простить моего слугу за излишнее любопытство, – вздохнул Е Линбо, однако без особого сожаления.

– Ничего, мне понятен его интерес. Порой я пишу картины, и, хоть мне не превзойти великого Тяньцай-цзюньцзы, я стремлюсь постигнуть мысль, которую он вложил в холст.

– Так вы тоже охотник за его картинами? – приподнял бровь Е Линбо.

– Что вы, господин Е, меня трудно назвать охотником, – рассмеялся Сяоди, налив чай в опустевшие пиалы. – Еще в юности я получил одну из его работ, «В весеннем холоде распустилась слив краса»¹⁶, и с тех пор решил, что если не сделаюсь мастером под стать Тяньцай-цзюньцзы, то хотя бы попытаюсь познать замысел его картин.

– Даже мудрейшие советники не всегда могут познать смысл картин, – не сдержал усмешки Е Линбо, – однако ваше стремление похвально. Вы выглядите молодо для того, кто уже ступил на путь Дао.

– Благодарю, но тому виной мой учитель. Он вырастил меня и приоткрыл мудрость Дао, я лишь следую его словам и иду туда, куда ведет Путь. В этот раз он направил меня в Цинхэ и познакомил с господином Е и его слугой.

– Лучше вам не распространяться, что у вас есть одна из картин Тяньцай-цзюньцзы, – негромко заметил господин Е. – В Цинхэ многие готовы убивать за них. Про сто Великих Картин вы наверняка знаете.

– Господину Е не стоит переживать – моя картина не имеет никакой ценности, – с мягкой улыбкой ответил Сяоди. – Она написана еще до того, как кисть Тяньцай-цзюньцзы стала рисовать пророчества. На холсте лишь укрытые снегом цветы.

Чуньчунь подумал, что слова этого человека похожи на правду. Ранние картины великого художника не являлись плодом предвидения и могли служить лишь украшением.

– Как мне отплатить господину Е за его доброту? – спросил Сяоди, когда чай закончился.

– Разговор с вами уже был платой, – с улыбкой ответил Е Линбо. – Надеюсь, наши дороги еще пересекутся и мы вновь насладимся чаем.

– Если такова судьба, так встретимся, преодолев и тысячу ли, а если нет, то и на одной улице друг друга не увидим.

Поклонившись на прощание, Сяоди взял плащ, сумку и неторопливо покинул чайную.

– Господин Е, вы ведь не общаетесь с кем попало, – осторожно произнес Чуньчунь, – так чем же привлек вас этот странник?

– Да так, я решил своими глазами увидеть, что за человек этот мудрец Фан, – со странной улыбкой ответил Е Линбо, проведя пальцами по длинной пряди волос.

– Мудрец Фан... это был мудрец Фан?! – чуть не выкрикнул Чуньчунь. – Но почему он не представился своим именем?

---

¹⁶ Строчка из стихотворения Ван Вэя (699–759) «Видел я: в весеннем холодке распустилась слив краса». Перевод Ю. К. Щуцкого.

– Видимо, не хотел нас беспокоить. Однако он весьма интересный человек, третьему принцу будет не так легко его прогнать.

По губам Е Линбо скользнула улыбка, при виде которой Чуньчунь тяжело вздохнул. Его господин слишком уж любит представления, особенно с участием третьего принца. А мудрец Фан Лао явно отличается от всех советников, что были до него. Нелегко придется Цин Вэню.

– Говорят, что и мудрец Фан, и мудрец Ао – странствующие заклинатели, но я не почувствовал ничего необычного, – признался Чуньчунь.

– Заклинатели неотличимы от людей, однако их жизнь может насчитывать несколько столетий. Быть может, Фан Лао двести лет?

– Но его имя лишь год назад стало известно, – слабо возразил Чуньчунь.

– И что с того? Мы знаем, что в живых после Цзяньской резни остался только мудрец Ао, но ведь у него мог быть ученик, которого он все это время готовил, – заметил Е Линбо. – Не думай об этом слишком много, лучше заплати за чай.

Приняв мешочек с деньгами, Чуньчунь поспешил расплатиться с хозяином заведения и вернуться. Поднявшись из-за стола, Е Линбо с неохотой произнес:

– Идем, а то господин У нас уже заждался. Оттягивать встречу и дальше я не могу.

Чуньчунь почувствовал, как на плечи опустилась тяжесть, а во рту стало кисло. Чай с Сяоди, точнее с мудрецом Фан, прогнал страх перед советником У, но теперь переживания вновь захватили юную душу. И хоть Чуньчунь на совещаниях был лишь слушателем, он не мог не сочувствовать Е Линбо. Все же они добровольно шли в логово тигра с ядовитыми клыками.

Покинув ресторан, господин и его слуга зашагали по улицам Цинхэ, каждый задумавшись о чем-то своем. Чуньчунь видел, как между бровей Е Линбо пролегла складка, придавшая его облику отчужденности. Девушки, что обычно провожали его заинтересованными взглядами, в этот раз не решались даже поднять голову.

Свернув на улицу Хуацзе, утопавшую в вишневом цвете, Е Линбо и Чуньчунь дошли до ворот из красного дерева с нефритовыми украшениями и позолоченными животными на глазированной черепице. И сразу стало как-то не по себе.

Е Линбо дважды постучал, по ту сторону послышались шаги, и одна из створок открылась.

– Господин Е, хозяин уже ждет вас, – приветствовал слуга, пропуская во двор.

Поместье советника У было громадным, состоящим из нескольких десятков дворов, с прудом, бамбуковым лесом и прилегающей со стороны улицы Танцзе счетной палатой гуйфан¹⁷, которой заведовал род У с незапамятных времен. Чуньчунь слышал, что этот банк настолько влиятелен, что еще при Великой Цзянь четыре советника, ставшие после четырьмя императорами, задолжали банку У крупную сумму и до сих пор выплачивают ее. По слухам, она достигала пяти миллионов серебряных лянов! Такое обязательство даже императору покажется обременяющим.

Однако, обладая несметным богатством, семья У все же вела довольно скромный – по меркам многих – образ жизни. Сколько бы Чуньчунь ни оглядывался, так и не заметил ни нефритовых колонн, ни золотых ваз, ни даже чудесных пташек с Пика Бессмертных. Заявись в поместье У воры, навряд ли бы поняли, что владельцы способны купить всю Поднебесную и не обеднеть и вполтину. Если, конечно, советник У задумается о такой сделке.

Слуга привел Е Линбо и Чуньчуна в кабинет, известил об их приходе и удалился. Войдя в комнату, наполненную ароматом сандалового дерева, Чуньчунь спрятался за спину господина Е и принялся осматриваться.

---

¹⁷ Гуйфан (柜坊) – специализировался на хранении и выдаче монет и ценностей.

Окна кабинета были распахнуты и выходили во внутренний сад. Рассеянный свет проникал в комнату – достаточно, чтобы не зажигать лампы. Стены подпирали высокие шкафы со множеством книг, над столом висела часть свитка «Фея реки Ло»¹⁸, и Чуньчунь ни на мгновение не засомневался, что она настоящая. Разве мог сам У Шэн приобрести подделку?

За столом, на котором стояли четыре драгоценности¹⁹, сидел мужчина лет сорока; его волосы были собраны в тугий пучок, а виски уже посеребрила седина. Строгое лицо, словно высеченное из камня, обрамляла аккуратная узкая борода, красивые глаза обжигали холодом. Облаченный в черный с золотыми узорами наряд, советник У больше походил на императора, чем на банкира.

– Советник У, – с почтением поклонился Е Линбо, сложив перед собой руки.

– Вы заставили меня ждать, глава Министерства церемоний Е, – сухо произнес У Шэн. – Разве семья не учила вас манерам?

– Прошу простить этого никчемного Е. По пути сюда мне посчастливилось встретить мудреца Фан Лао и угостить его чаем.

Услышав про Фан Лао, У Шэн смягчился. Чуньчунь невольно задумался, не знаком ли советник У с мудрецом Фан. Все же такие крупные рыбы должны друг друга знать.

– Что ж, вы принесли то, о чем мы говорили?

Выпрямившись, Е Линбо взглядом велел Чуньчуню положить на стол свитки, что тот и поспешил сделать. Будто бы не заметив юношу, У Шэн неторопливо развязал один из них и вчитался в мелкий почерк. На некоторое время в комнате повисло молчание, нарушаемое лишь шорохом листов.

Е Линбо и Чуньчунь ожидали, так и не услышав приглашения сесть. И если первый давно привык к таким порядкам в доме старшего советника, то Чуньчунь сгорал от негодования. Невольно он вспомнил обходительного Фан Лао и с трудом сдержал вздох. Почему все люди не могут быть настолько же приветливы?

– Довольно интересные сведения, – наконец произнес У Шэн, – и они не слишком отличаются от того, что услышал я. Получается, кто-то намеренно убил императора Хуашань.

– Да. Его нашли рано утром в пруду. Во дворце объявили, что император Хуашань оступился во время ночной прогулки, упал в воду, захлебнулся и утонул. Но говорят и иное: его утопили. Впрочем, никаких следов на теле не обнаружили, – кивнул Е Линбо.

– Любопытно, – так и не подняв глаза, произнес советник У. – Эта смерть мне кое-что напомнила. Разве не так была убита младшая дочь императора Цзянь? Ее утопили в реке.

Е Линбо нахмурился и прямо спросил:

– Вы думаете, спустя двадцать лет кто-то начал мстить четырем советникам за падение Великой Цзянь? Не слишком ли поздно?

– Для мести никогда не поздно. Как бы там ни было, цзы вэй доу шу оставшихся трех императоров тоже поменялись, и сдается мне, их участь уже предрешена. Остается только понять, сколько еще осталось Юйгу.

От его слов Чуньчуня бросило в холод. Он родился уже после падения Великой Цзянь, так что от мысли, что в скором времени может разразиться война, ему стало не по себе. Но кто будет воевать, если все императоры умрут? Их дети? Да и кто виновник смуты?

Погруженный в безрадостные мысли, Чуньчунь чуть не прослушал продолжение разговора, но вовремя спохватился и наострил уши.

– ... что же касается вашей просьбы насчет Тяньцай-цзюнцзы, мне удалось кое-что найти. Согласно записям, император Хэ поручил Хэнь Жаонину девять лет назад доставить художника во дворец.

---

¹⁸ «Фея реки Ло» – картина Гу Кайчжи, IV–V века.

¹⁹ Кисть, бумага, тушь и тушечница.

– Да, в то время меня не было в Цинхэ, но, когда я приехал, от Тяньцай-цзюнцзы уже не осталось следов. Господин Е узнал, куда после направился художник?

От повисшего молчания Чуньчуню стало не по себе.

– Боюсь, он больше не покидал Цинхэ, – наконец произнес Е Линбо.

У Шэн не был удивлен его ответом, он лишь спросил:

– Есть доказательства причастности Хэнь Жаонина к смерти Тяньцай-цзюнцзы?

– Только этот приказ, а также слова слуги, который в то время работал в поместье Хэнь. Некоторое время там проживал молодой мужчина с ребенком, но в какой-то момент они оба заболели и умерли. Хэнь Жаонин велел избавиться от тел, скинув их в реку Лу. Тогда была зима, отец с сыном не смогли бы спастись, даже если бы оказались в воде живыми.

У Шэн молча взглянул на Е Линбо, веля тому продолжать.

– Я послал людей проверить берега реки Лу, и в двух ли от Цинхэ нашлась безымянная могила. Однако я не могу утверждать, что она принадлежит Тяньцай-цзюнцзы.

– Вы разрыли могилу?

– Да. Кроме костей и одежды, там больше ничего не было.

У Шэн прикрыл глаза. Повисшая тишина давила на уши, Чуньчуню хотелось поскорее покинуть дом советника У и оказаться на шумной улице.

– Раз я удовлетворил просьбу советника У, не могли бы и вы выполнить свою часть уговора? – подал голос Е Линбо.

– Я предложу императору новый закон, но не рассчитывайте, господин Е, что он примет его, – предостерег У Шэн. – То, что вы связались с генералом Гу, еще не означает, что теперь можете подминать под себя законы Юйгу. Мой вам совет: в покое не стоит забывать об опасности.

Е Линбо лишь сдержанно улыбнулся.

– Если позволите, я покину вас.

Советник У махнул рукой, разрешая уходить. Поклонившись на прощание, господин Е с Чуньчунем покинули поместье и одновременно выдохнули, оказавшись под цветущими кронами.

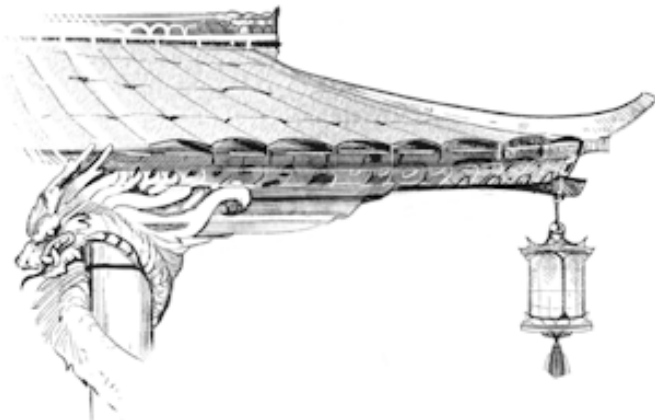
– Господин, вы все еще желаете продвинуть тот закон? – неуверенно спросил Чуньчунь. – Даже советника У подговорили.

– Стоит попробовать, – ответил Е Линбо, массируя точку между бровями. – Вернемся домой, а вечером отправимся во дворец.

Послушно кивнув, Чуньчунь зашагал за господином, отчего-то чувствуя, что конец дня будет полон неожиданностей.

2. Мы знакомы?

Фан Лао неторопливо гулял по Цинхэ, наслаждаясь теплым весенним солнцем. Город жил, гудел, по улицам с улыбками ходили пары с детьми или влюбленные. Их одежды были легкими, нежных оттенков, словно сорванные бутоны. Фан Лао знал, что выделяется в толпе, так что собирался зайти в лавку тканей и прикупить себе что-нибудь более подходящее. К счастью, он не разбрасывался деньгами во время путешествия из Хуашань в Юйгу.

На ветку дерева, пестревшую цветными ленточками и колокольчиками, с карканьем опустился большой черный ворон с тремя лапами. Склонив голову, он с интересом посмотрел на прогуливающихся людей и остановил взор на Фан Лао. Тот заметил птицу и заглянул в ее разноцветные глаза: правый был настолько черным, что в нем терялся зрачок, а левый – бело-голубым, словно слепым. Сидевшие на этом же дереве сороки и воробьи поспешили разлететься.

– Быстро ты меня нашел, Маньвэй, – поприветствовал Фан Лао.

Ворон недовольно отвернулся. Он злился, что хозяин вновь не дождался его. Даже если отыскать Фан Лао – хоть на другом краю Поднебесной, хоть на воде, хоть под землей – пустяк для Маньвэя.

– Исполни мою просьбу, – попросил заклинатель, и птица, покосившись на хозяина, с неохотой перемахнула на ветку ниже. – Осмотри Цинхэ, вдруг здесь найдется что-то, что будет мне по нраву.

Каркнув, словно предупреждая, чтобы тот никуда не уходил из города, Маньвэй сорвался с ветки и взметнулся в небо. С улыбкой проследив за ним, Фан Лао покачал головой и неторопливо пошел дальше.

Найдя лавку с тканью, он купил одежду из тонкой, почти невесомой ткани, подходящей даже для самой сильной жары. А благодаря своим амулетам Фан Лао мог не бояться выходить на солнцепек.

– Господин, такой крой у нас почти не носят, – осторожно произнес лавочник, любуясь лицом гостя. На редкость красивый посетитель, настоящая услада для глаз!

Фан Лао осмотрел наряд в своих руках. Воротник оказался высоким, почти до подбородка. В Хуашань – обыденность, но южане не любили закрывать шею, зачастую обнажали ключицы, а девушки – даже плечи и руки. Увидь их кто из северян, тут же возмутился бы бесстыдству! Неужто хотели коварными речами и видом совратить честных мужей?

– Не могли бы вы сшить мне еще пять таких нарядов? – попросил Фан Лао, отдав хозяину два серебряных ляна.

– Конечно, конечно, это не составит труда! – согласился тот, взяв ткани, на которые указал щедрый посетитель. – Куда вам доставить одежду?

Подумав немного, Фан Лао произнес:

– В Хэгун, пускай передадут человеку по имени Фан Лао.

Услышав про дворец, лавочник замер и пристально взглянул на покупателя. Хоть и красив лицом, но в весьма простой и запыленной от долгой дороги одежде, без украшений и именных колец. Словно нефрит, покрытый черными точками²⁰. Так кто он такой, раз у него есть доступ во дворец? Может, младший служащий? Или чиновник?

Фан Лао же, не обращая внимания на пристальный взгляд, аккуратно сложил купленную одежду и покинул лавку. Только когда прогорела, наверное, одна палочка благовоний, хозяин лавки ударил себя по лбу, наконец вспомнив, что в город со дня на день должен прибыть мудрец Фан и поселиться в императорском дворце.

Найдя общественную купальню, Фан Лао наконец смыл с себя дорожную грязь. Его кожа приобрела цвет белоснежного нефрита, тусклые волосы засияли и сделались гладкими и мягкими как шелк, а красная родинка под левым глазом словно стала ярче. Оденся Фан Лао в женское и припудри лицо, и его можно было бы принять за фею Яшмовой красоты²¹, которая одним взглядом зачаровывает путников – от нищих до императоров.

Переодевшись в обновку из тонкой приятной ткани, которая подчеркнула высокий стройный силуэт, Фан Лао взял серебряную шпильку и закрепил несколько передних прядей на затылке. Надев множество браслетов и колец, он повесил на правое ухо сережку каплевидной формы из аметиста, так подходящего его сверкающим глазам.

В Юйгу чтители обычай: серьги на одном ухе носят незамужние женщины, три – кто уже вышел замуж, а у вдов уши пусты. Из мужчин только ученые носили по серьге, тогда как генералы усмехались, называя их слишком жеманными.

Взяв сумку, заклинатель вышел на улицу. Если до этого прохожие провожали его заинтересованными взглядами, отчасти из-за незнакомой одежды, то сейчас и вовсе останавливались и смотрели вслед. Словно сам небожитель наконец спустился с Пика Бессмертных!

Одежда на Фан Лао была легкой и изящной, кроя народа шуй²² с несколькими деталями народа юй²³: черная нижняя рубашка, плотно обхватывающая талию и шею, с серебряными застежками, идущими от горла до пояса, белый верхний халат и полупрозрачная фиолетовая накидка с серебряной вышивкой в виде цветов. Фан Лао ступал невесомо; даже будь он увешан колокольчиками, ни один из них не издал бы звона.

Время клонилось к часу Ю. Оставался шичэнь до входа во дворец, так что Фан Лао не торопился. Поняв, что в последний раз плотно поел только в Хуашань, питаясь после чаем и легкими закусками, Фан Лао направился в ближайший ресторан, украшенный яркими алыми фонарями и тканями. Не обратив внимания на вывеску, заклинатель вошел и окунулся в ароматы еды и благовоний. Здесь пахло мясом, вином, сладкими закусками, духами и специями.

– Господин, могу я сопроводить вас? – обратилась к Фан Лао девушка и тут же залилась румянцем.

– Что это за место? – уточнил он.

– Ресторан «Шести радостей», здесь подают лучших уток во всем Юйгу.

Фан Лао слышал о таком; мысленно поблагодарив удачу, он направился за девушкой на второй этаж. От него не укрылось, что многие посетители оказались высокопоставленными лицами – чиновниками, хозяевами лавок с украшениями и купцами. Скорее всего, если бы Фан

²⁰ Не без изыяна.

²¹ Фея Яшмовой красоты – одно из самых знаменитых и влиятельных даосских божеств, покровительствующее горе Тайшань. Саму же гору Тайшань в древности считали раем, ведущим прямо к трону императора. Она стала священной горой, которой поклонялись простые люди, а император приносил жертвы.

²² Народ шуй – народ Хуашань, также шуйцы.

²³ Народ юй – народ Юйгу, также юйцы.

Лао не переделся, его не пустили бы на порог. Но разве могли служанки отказать молодому господину, чьи руки украшены серебром?

Сопроводив Фан Лао на пустующий балкон, девушка поинтересовалась:

– Что господин желает отведать? У нас есть прекрасное вино из цветов лотоса, сливовая настойка, печенье с красными бобами, нежная утка... – начала перечислять она, но заклинатель взмахом попросил замолчать.

– Принеси лучшее вино и блюдо, которые есть в этом заведении.

Поклонившись, служанка ушла, а Фан Лао, облокотившись на столик, задумался.

Его пригласили во дворец Хэгуан совладать со строптивым третьим принцем, что разогнал прежних учителей. Конечно, Фан Лао догадывался, что это была не единственная причина. После Цзяньской резни во всей Поднебесной остались только два заклинателя: мудрец Ао, чье лицо никто и никогда не видел, и мудрец Фан, чье имя стало известно всего год назад.

Пару недель назад скончался император Хуашань, и остальные правители увидели в этом страшный знак. Они хотели спастись любой ценой и потому не поскупились на поиски заклинателей. К счастью для императора Юйгу, его письмо первым дошло до Фан Лао, и, хоть правитель просил лишь наставить на путь Дао младшего сына, в его словах читалась мольба о личной защите. Фан Лао показалось это занятным, и, покинув Хуашань, где последние годы занимался медитацией, он пришел сюда, в Цинхэ. Его не прельщали богатства, обещанные за службу, но им двигало любопытство: что же это за третий принц?

Все, что Фан Лао услышал по дороге в Цинхэ, так это то, что третий принц – не родной сын императора Хэ. Тот спас его во время Цзяньской резни и ввел в семью под именем Цин Вэнь. Принц славился дурным нравом, словно молодой жеребец, которого никто не в силах укротить. В его голове гулял ветер, он оскорблял чиновников, не говоря уже о том, что мог с легкостью перехитрить дворцовую стражу и ускользнуть из-под надзора. Император Хэ надеялся, что заклинатель справится с ним и если не вразумит, то хотя бы обездвигит одной из печатей.

Вернувшаяся служанка принесла небольшую утку, запеченную до оранжевой корочки, пахнущую травами и специями, и вино в кувшине. Поблагодарив ее, Фан Лао налил в пиалу прозрачный напиток, от которого исходил терпкий аромат сливовых цветов, и надкусил нежное мясо. Что ж, слухи не вдали. Пожалуй, стоит еще несколько раз наведаться сюда, прежде чем дела перестанут держать в столице.

Внизу раздались голоса, и Фан Лао бросил взгляд на вошедшего в здание человека. Им оказался юноша чуть старше двадцати, в темно-синей одежде ученого, с заколотыми на затылке волосами и веером в руках. Со всех сторон послышались окрики:

– Брат Шу, наконец-то ты пришел! Прошу, садись со мной!

– Лучше со мной! О чем поведаешь сегодня?

– Кто это? – поинтересовался Фан Лао у проходившей мимо служанки.

– Этот человек порой рассказывает здесь истории, – ответила та. – Вам стоит послушать, никто еще не оставался недоволен. Говорят, его речь как великолепный цветок!

Фан Лао бросил заинтересованный взгляд на сказителя, который улыбкой приветствовал оживившихся гостей. Запрыгнув на сцену и распахнув веер, украшенный затейливыми рисунками, брат Шу произнес:

– У меня много историй, так про кого же вы хотите узнать? Про демонов, что обитают далеко на севере? Про богов, запершихся на своем Пике? Про смертных, что творят чудеса? Или про то, что находится за Великой Стеной?

Зал наполнился гомоном, но громче всех кричал уже изрядно выпивший мужчина:

– Расскажи про этих тварей, что подчиняются демонам! Про темных заклинателей!

Все с надеждой уставились на брата Шу, и тот, вздохнув, с хлопком закрыл веер, кивнув музыкантам в стороне. Поспешно взявшись за инструменты, они заиграли тревожную музыку, от которой не могли не побежать мурашки.

Фан Лао невольно придвинулся к перилам и взглянул на развернувшееся внизу представление. Сказитель оказался занятым: он знал себе цену, держался прямо, но не высокомерно. Однако ему бы больше подошли одежды охотника и быстрый конь, нежели просторное платье ученого и веер.

– Боюсь, про темных заклинателей нам известно столько же, сколько и про драконов, – начал свой рассказ брат Шу, обводя всех таинственным взглядом.

Признаться честно, Фан Лао не собирался его слушать, однако голос манил; заклинатель даже забыл про пиалу с вином.

– За каждым темным заклинателем стоит могущественный демон-хозяин. От темных пахнет падалью, их органы черные, а кровь – ядовита. Когда-то давно, во времена семи Сражающихся Царств, темных стало так много, что богам пришлось изрядно потрудиться, чтобы избавиться от них. Но разве можно погубить сорняк, оставив в земле корни? Стоящие за заклинателями демоны обозлились, а сильнейший из них – Бедствие – принес моровое поветрие, обращающее трупы в оживших мертвецов. Впрочем, не будь Бедствия, не возникла бы Великая империя Цзянь, и кто знает, наслаждались бы мы сейчас едой и напитками в этом прекрасном месте?

Брат Шу улыбнулся слушателям, и те довольно хмыкнули. Раскрыв веер и взмахнув им, он продолжил рассказ:

– Говорят, что темные заклинатели способны призывать мертвецов: если увидишь разграбленные могилы – жди беды. Однако после падения Великой Цзянь о темных никто не слышал, но нам известны другие, светлые заклинатели, идущие по пути Дао и истребляющие тьму. Один из них – мудрец Ао – живет на этом свете уже несколько сотен лет. Его лица никто не видел, а сам он лишь призрак, за которым не может поспеть ветер.

– И насколько же могуч этот заклинатель? – спросил кто-то.

Брат Шу задумался, неторопливо расхаживая по сцене и размахивая веером.

– Я слышал, что он мог сносить горы и опрокидывать моря, а Великую реку Шэнмин иссушить одним глотком.

Слушатели удивленно ахнули, а брат Шу довольно улыбнулся.

– Есть и еще один светлый заклинатель – мудрец Фан. Неизвестно, старик это или ребенок, но раз его признал мудрец Ао, то никто не вправе оспаривать его силу. Боюсь, этот глупый брат Шу не так много слышал про мудреца Фан, лишь то, что...

Взгляд сказителя обратился на второй этаж и вдруг замер на Фан Лао. В это мгновение произошло что-то странное: сердце заклинателя замерло, и ему стало до того грустно, что на глаза набежали слезы. Удивленный, Фан Лао поспешил отвернуться. Разве он знал этого человека? Почему вдруг растрогался?

– Мудрец Фан вскоре должен навестить Цинхэ, – совладал с собой брат Шу, закрыл веер и поклонился. – Прошу простить, но мое горло пересохло, так что продолжим в следующий раз.

Сделав неторопливый глоток из пиалы, Фан Лао покосился вниз, однако юноши уже не было. Почувствовав легкое разочарование, заклинатель съел небольшой кусок запеченной утки.

Не сказать что брат Шу приукрасил легенду, однако от темных заклинателей вовсе не пахло падалью. Если заклинатель захочет – неважно, темный он или светлый, – никто не отличит его от обычного человека.

– Прошу простить, но может ли достопочтенный Шу составить вам компанию?

Фан Лао поднял глаза: перед ним, облаченный в легкие одежды с серебряными нитями и поясом, на котором висел белый нефрит, стоял брат Шу. Отчего-то на лице заклинателя сама собой появилась улыбка, и он ответил:

– Пить одному скучно. Могу я узнать имя брата по совершенствованию?

– Можете звать меня Шу Лан²⁴.

Фан Лао слегка приподнял брови.

– Это имя весьма подходит брату Шу. Тогда можешь звать меня Фан Нин²⁵.

Уже севший за стол Шу Лан с интересом взглянул на него. Фан Лао ответил ему тем же: на вид брату Шу было чуть за двадцать, красивое лицо с изгибающимися подобно лепесткам ивы бровями обрамляли темные волосы. И все же что-то в его облике показалось Фан Лао странным. Подумав, он уточнил:

– Возможно, мои слова покажутся брату Шу оскорбительными, но он не похож на ученого.

– Неужели это так заметно? – удивился Шу Лан, налив себе вина.

– Эти одежды не идут тебе, – покачал головой Фан Лао. – Все равно что дракон в рыбьей чешуе.

– Вижу, от взгляда Нин-гэ²⁶ ничего не скрыть. Я и правда не ученый, скорее солдат, который любит побаловать себя после службы. А вот брат Фан и правда ученый, только не из Цинхэ.

– Я приехал навестить дальнего родственника. Город, откуда я родом, слишком мал, чтобы о нем кто-то слышал, вдобавок находится на границе с Хуашань.

Фан Лао говорил плавно, не запинаясь. Его ложь звучала убедительней правды.

– И надолго Нин-гэ прибыл в Цинхэ?

– Мой дядя стар и уже не в силах сам о себе позаботиться. Думаю, я останусь здесь до тех пор, пока ему не станет лучше или пока он не умрет.

– Это может произойти как сегодня, так и через пять лет!

– На все воля судьбы, – только и ответил Фан Лао.

Опустив глаза, он вдруг заметил, что все это время Шу Лан был в светлых перчатках, под цвет кожи. Уловив его взгляд, сказитель небрежно произнес:

– Мои ладони обгорели в пожаре, когда я был еще ребенком. Скажи мне, Нин-гэ, понравилась тебе моя история?

– Я словно слушал самого Гань Бао²⁷, – признался Фан Лао. – Брат Шу умеет пленять речами. У кого ты учился?

– В детстве я любил слушать уличных певцов и музыкантов. Если Нин-гэ понравился мой рассказ, то ему стоит заглянуть сюда завтра – я постараюсь прийти и поведать еще одну историю.

Фан Лао задумался: будет ли он завтра свободен? Да и сможет ли беспрепятственно покинуть дворец? Однако и удержать его никто не посмеет.

– Хорошо, я тоже буду, – решил заклинатель. – Почему ты не рассказал про мудреца Фан?

– Пока о нем нечего рассказывать, – пожал плечами Шу Лан, взяв палочки и украв из тарелки Фан Лао кусочек утки. Тот не возражал, хотя со стороны Шу Лана это было весьма невежливо. – Он не совершил еще великих деяний, никто не видел его лица, да и многие

---

²⁴ Лан (琅) – можно перевести как «белый нефрит».

²⁵ Нин (宁) – можно перевести как «спокойный, тихий».

²⁶ Гэгэ, или гэ, – букв. «братец», обращение к более старшему, не обязательно родному брату.

²⁷ Гань Бао – китайский писатель, историк, государственный служащий времен династии Цзинь. Был основателем нового жанра чжигуай (истории о духах).

твердят, что это старик с длинной бородой. Разве кому-то интересно слушать про старика, добившегося бессмертия? Все хотят знать, как человек прожил несколько сотен лет и сохранил молодость.

Подумав, Фан Лао согласился.

– А если ты встретишь мудреца Фан?

– Встречу? – странно усмехнулся брат Шу. – Я ничтожный человек, подрабатывающий рассказчиком в подобных заведениях. Что мудрец Фан, постигший Дао и отрекшийся от развлечений, забыл в таком месте? Должно быть, он сейчас в храме Ста Богов, совершает поклоны и возносит молитвы.

Фан Лао не ответил, только наполнил пиалы остатками вина. То, как описывали его люди, показалось заклинателю забавным. Почему же мудреца Ао постоянно представляли молодым человеком, хотя ему и правда перевалило за несколько сотен лет, а Фан Лао видели стариком, хотя он даже не успел узнать, что такое ноющие суставы? Стоило заявить о себе раньше. Впрочем, нечего жалеть об этом.

– Может, мне сопроводить Нин-гэ? – поинтересовался Шу Лан, когда утка была съедена.

– Не стоит, мне бы самому хотелось прогуляться по Цинхэ. Благодарю брата Шу за компанию.

Оставив на столе серебряный лян, Фан Лао поклонился на прощание и покинул ресторан. На пороге он чуть не столкнулся с запыхавшимся евнухом, полноватым и едва достающим ему до плеча.

Быстро извинившись, евнух окинул яростным взглядом гостей и, заметив на втором этаже юношу в темно-синей одежде, стрелой взметнулся по лестнице. Когда Шу Лан все же увидел преследователя, улыбка слетела с его лица.

– Надо было сразу сюда идти, – тяжело дыша, произнес евнух и опустился на одно колено. – Ваше высочество, вы совсем с ума сошли? Император поднял на уши весь двор, и если вы сейчас же не явитесь в Хэгун, то этого бедного евнуха лишат головы до заката.

– Тц, умеешь же ты веселье портить, Сюнь, – с заметным раздражением произнес «брат Шу». Легкость речей тут же пропала; возник молодой человек с холодными глазами и острым языком. – Разве я не говорил отцу, что не нуждаюсь в очередном наставнике?

– Этот наставник – сам мудрец Фан, – с обреченным вздохом напомнил Сюнь. – Прошу, не заставляйте его величество ждать.

– Если мудрец Фан настолько же интересный собеседник, как Нин, то я подумаю. Но неужели отец настолько сильно хочет привязать меня к дворцу? Я вроде не собака, чтобы сажать меня на цепь.

– Нин? – меж тем спросил Сюнь. – Вы вновь нашли себе девушку? И кто же эта несчастная?

– Несчастливая? – сухо переспросил Цин Вэнь. – Разве я оскорбил хоть одну из девушек столицы?

– Нет, но это не мешало вам разбивать их сердца. Разве забыли, как дочь семьи Яо застала вас с молодой госпожой семьи У?

– Не напоминай об этом, – поморщился Цин Вэнь, вдруг ощутив, как горят щеки от двух призрачных пощечин. – И вообще, Нин-гэ – мужчина.

Лицо Сюня вытянулось.

– Мой господин, неужели вы сегодня даже не познакомились ни с какой женщиной? – удивился евнух. – Увидеть вас за общением с учеными мужами – большая... редкость.

Цин Вэнь бросил на него раздраженный взгляд.

– Мне что, теперь ни с кем нельзя разговаривать? – спросил Цин Вэнь, поднявшись из-за стола. – Возвращаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.